

**ИРИНА
РОДИОНОВА**

ИРИНА
РОДИОНОВА

ДЕТИ,
РОЖДЕННЫЕ
ГРИБНИЦЕЙ

Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р60

Дизайн переплета — *Елизавета Корсакова*

Родионова, Ирина.

Р60 Дети, рожденные грибницей : роман / Ирина Родионова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2027. — 347, [5] с. — (Другая реальность).

ISBN 978-5-17-191061-7

Ирина Родионова — прозаик; победитель спецпремии им. С.Т. Аксакова, премий им. А.И. Левитова, им. П.И. Рычкова. Автор книг «Поросль», «Душа для четверых» и сборника рассказов «Ярмарка “Посмертие”». Роман «Дети, рожденные грибницей» удостоен премии «Лицей».

Десять лет назад на областной город Усть-Саракташ упала загадочная бомба. Выживших давно эвакуировали, а разрушенный город огородили бетонной стеной. Однако часть горожан осталась на малой родине. Они живут теперь в Низине простой деревенской жизнью. Только у женщин здесь больше не рождаются дети, а в лесу бродят загадочные белянки и по весне плачут существа, так похожие на настоящих младенцев... Одинокый Барклай уверен: он сможет спасти всех от страшных созданий, но сам попадает в ловушку.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-191061-7

© Родионова И.
© ООО «Издательство АСТ»

Трудно быть человеком — люди мешают.

Роман Сенчин,
«Зона затопления»

ГЛАВА 1

Перед похоронами Барклай решил зайти в бывший продуктовый магазин. От того мало что осталось — выпотрошенная бетонная коробка, черные проемы окон, запустение. Барклай не мог пройти мимо.

По всему Усть-Саракташу лежал туман, и казалось, что еще не осела на улицах цементная пыль — прямо как в Первый день. Шептались зеленые пирамидальные клены, листья карагача и тополя дробили слабый свет.

Вывеска накренилась над дверью — кто-то выдрал первую, потерто-красную букву «м», и Барклай все думал, зачем же она понадобилась кому-то. Не дома ведь поставить?.. Ладно бы это была «я», главный девиз цивилизации, или что-нибудь, вроде попсовой «л», как знак любви к миру и человеку, но нет же, нет. Сколько ни жил Барклай, так ничего и не понял ни в жизни, ни в людях.

Из частного сектора слышался монотонный стук топора — люди трудились нескончаемо, заранее готовясь к зиме. Остановишься, и все оборвется. Барклай был из той же работающей породы.

Хоронить собирались Елену. Молчаливая, мелколицая и насуспенная, она запомнилась шелухой: двумя куриными яйцами, которые сунула Барклаю в руку, отблагодарив за выправленный забор, и коричнево-седой челкой, закрывающей глаза, когда Елена не разгибалась в огороде.

С ней прощались давно.

С того дня, как Елена принесла из леса младенца.

Глаза в магазине быстро привыкли к пыльной неподвижности. Барклай сделал несколько шагов по осколкам, обогнул вырванную с корнем раму, постоял в тишине. Он и сам не знал, зачем заглядывает сюда, если идет до землянки из материнской квартиры.

Ему порой слышалось в треске и шорохах, мышинной возне или завываниях ветра, как отец прочищает горло. Тогда Барклай сразу уходил из магазина и шел, шел, не думая ни о чем, — он знал, как опасны подобные всполохи, видел, как гаснут соседи, без конца вспоминая прошлую жизнь.

В дни эвакуации, в неразберихе, когда люди прыгали в автобусы почти без вещей, крепко держа за руку детей и оборачиваясь на разрушенные дома, Елена тоже собиралась уезжать. Двое ее дочерей, взрослые, остались в мире спокойном, не огороженном бетонной стеной, колючей проволокой и датчиками-тепловизорами. Прошли недели, прежде чем Елена вновь мелькнула на улице Яблочной.

Барклай не спрашивал, почему она осталась. С ней вообще мало разговаривали: может, от того Елена и пошла в лес и перерезала ножом грибницу-пуповину. Достала чуть теплого, светлого ребенка, сунула за пазуху, принесла в дом.

Соседи в ту же ночь слышали плач и собрались под окнами. Долго толклись у калитки, ворчали от страха. Елена не зажигала свечей, не топила печь. Был май, и ночи в ту пору стояли холодные. Ребенок плакал.

«Лена, неси его обратно!» — не выдержав, тонко выкрикнула соседка-подруга и зашлась в рыданиях.

Зайти в дом не решались. Если женщина приносила ребенка с грибницы, то забрать его можно было лишь силой, а новоиспеченная мать рычала, хрипела, бросалась и кусала тех, кто пытался ее спасти. Барклай пришел со всеми, разбуженный шумом, и стоял тут же, и мысленно с Еленой прощался. Соседку утешали, кутали в чужую дубленку.

Она хрипела:

«Я ей говорила в лес не ходить, пусть мужики грибов нанесут, у нее сердце мяконькое, она “нет” сказать не может, а тут ребяенок, и...»

Пока Барклай шел поутру на похороны, та ночь, светлая и ясная, стояла перед глазами. Запомнились запах сырой земли, и звезды, и плач, и толпа растерянных людей, которые знали, что одним гробом в Низине скоро станет больше.

«Сжечь этот лес вместе с детьми его, и делов-то...»

«А как на дома перекинется? Думаешь, тушить приедут?»

«Ну, “гуманоиды” ведь заезжают...»

«У этих свои цели, они нас как крыс рассматривают. А как спасать надо будет, так и не найдешь никого».

Барклай ушел одним из первых — понял, что Елена не подпустит его к ребенку. А стоять и попусту рассуждать Барклай не любил.

Спустился в землянку, запер дверь на засов, лег на доску-кровать. Сон не шел, слышался плач-морок. В апреле дети уже вовсю кричали в осинниках, лес словно бы исторгал их из себя и ждал, когда чужое срежут, унесут в дома. Нет, какие же это дети — это грибы, мутировавшие, бесчувственные, обыкновенные паразиты...

С той поры Елена всюду ходила с широкой полою ткани на груди — там, словно в коконе, лежал ненастоящий ребенок. Присасывался, впиваясь пальцами или чем-то еще в обезвоженную кожу, быть может, даже сосал грудь, в которой не было молока. Барклаю не хотелось приглядываться.

От Елены отворачивались, как от заразной. Барклай едва ли не единственный спрашивал ее о чем-то, пробовал заговорить мягко, но она, истощенная и с набрякшей чернотой под глазами, молчала. Работала, чистила картофель для одиноких стариков, что отказались покидать ветхие домишки, или высаживала рассаду в лунки, или носила воду из колодца.

Раз упала в июльском зное. Соседка заголосила, и половина горожан — хотя какие они теперь горожане, после смерти самого города, — бросилась к огороду. Люди выломали щеколду в калитке, растеклись вокруг, склонились над женщиной. Та еле дышала.

Кто-то поднял Елену на руки, унес в беседку, в тень дикого витого винограда. Дом был чужой, и убранство в нем Елена сохраняла прошлое, а сама жила в уголке, только вот огородом заведовала, поливала глинистую землю под абрикосом, высаживала перцы. Кто-то брызнул водой ей на щеки, кто-то сильно ущипнул за плечо. Елена казалась уже не бледной, а коричнево-желтой, с обметанными губами и испариной на лбу.

Младенец, распухший и насосавшийся, лежал у нее на груди.

Барклай потянул тряпку и попробовал оторвать его от Елены, но тот держался, как прилипший. Елена застонала. Люди отшатнулись.

«Нож, дайте нож...» — торопилась соседка, держа Елену за запястье. Все знали, что ей не помочь уже, даже убрав ребенка, даже бросив его в огонь, — Елена умрет от тоски. Но упрямо делали то, что должно, не глядя друг другу в глаза.

Кто-то в огороде торопливо ломал сухие, с зимы спиленные ветки, которые Елена заложила за компостной ямой. Кто-то бежал за спичками: их привозили «гуманоиды» — гуманитарщики и научные работники. Низина замерла, лес притих. Барклай потянул грибного ребенка на себя.

Елена села разом и схватила младенца, да так, что расцарапала Барклаю ладони. Он не отпускал.

«Отдай!» — зашипела по-змеиному.

«Ты же всё понимаешь».

Рванула нечеловечески, и ребенок, мяукающий, визгливый, скользнул под кофту к ее желтому животу. Показалась уродливая истощенная грудь, ее тут же прикрыли тряпкой. Соседка уговаривала, твердила что-то, Елена мотала головой, словно деталью на шарнире.

Кто-то взял соседку под руку.

«Оставь, это не она уже...»

С июля Елена совсем обессилела, слегла и в конце августа перестала дышать. Лежала костлявотонкая, как черный ноябрьский лист в отсутствие дождей.

Гроб был самодельный, кривенький, но и то благо — сразу после сброшенной на город биобомбы будущие низовцы закапывали всех найденных погибших сразу в землю, разве что закрывали лица одеждой или тканью. Потом из полотнищ — старых пододеяльников и затхлых пледов — принялись сооружать саваны. Затем, когда мертвецы стали редкостью, взялись мастерить гробы.

Елена умерла ночью, и похоронить их с ребенком следовало до обеда.

Лицо ее распухло, а глаза запали так, будто их и не было никогда. Топорщились облезлые брови над глубокими глазными впадинами, подвязан-

ный подбородок тянулся вниз, и рот оставался черным, приоткрытым. Соседка-подруга сидела в головах и плакала тихонько, поправляя ползущий на глаза синтетический платок. Елены она не касалась. Люди в комнате стояли поодаль, дышали через ткань.

Ребенок надрывался в колыбели из картонной коробки. Бережно вышитый пушистый матрасик, лоскутное одеяло, старые резиновые игрушки... Барклай первым прошел к нему, взял в коробке, как брошенного щенка.

— Оставь, — попросила соседка глухо и сипло. — В гроб уложим.

Барклай без вопросов положил мальчика обратно на кровать к покойной, чуть качнул коробку — ш-ш. Темные пустые глаза сошлись на нем, и ребенок заплакал жалобно, горько, потянулся ручонками. Барклай отступил к остальным.

— Заткните его чем-нибудь, хоть кляпом, — взмолился кто-то.

— Он же маленький и...

— Он — не человек!

Люди входили и, простившись, быстро шли во двор. Жгли дрова, пекли картошку на помин, черный дым поднимался в высокое жаркое небо. Треск березовых поленьев заглушал всхлипы. Барклай сидел у кровати на простом непокрытом табурете. Важным казалось проститься с Еленой по-настоящему, не боясь и не отводя взгляд. Быть тут, пока гроб не опустят в яму.

— Яблоки, — тихо доносилось из распахнутого окна. — Налились-то как, а. Пспеют, бабушкам отнесем, я пюрешки намну... Вспомнят бедную.

Пахло костром, горячей мягкой листвой, садовыми помидорами. Кислые яблоки виднелись за дырчатым тюлем — яблоня гнулась под их весом, роняла тяжелые плоды на землю. Люди шептались, делили Еленино имущество. Та лежала спокойная, хоть и выпитая до последней капли.

Барклай поглядывал на ребенка — тот алел пухлыми младенческими щеками и тянулся, извиваясь, к людям. Коробка держала его, как в клетке. Соседка подходила к столу, пила кипяченую воду маленькими глотками, поправляла то графин, то рюмочки для гостей. Шипела:

— Пропади вы пропадом со своим лесом, бомбами и...

Умолкала, захлебнувшись злостью. Барклай хлопал по ее худой спине, и соседка бросалась в руки. Он ждал. Знал, что ей надо выплакаться, потом она будет носить на могилу Елене астры или гладиолусы, оставлять на земляном холме то грушу, то сладкие сливы... Тихо тикали ходики над столом. Люди сменялись, в комнате стоял сладковатый дух мертвого тела.

Пришел местный батюшка, отец Алексей — городская церковь не уцелела в Первый день, и теперь он принимал людей в небольшом доме. Туда нанесли образа, рушники и лампадки, пока сам Алексей день и ночь ходил в рясе, исповедовал возле грядок

или у кромки леса, но глаза его всегда оставались грустными. Молодой — Барклаю было под пятьдесят, а тому исполнилось тридцать, — Алексей отпускал бороду и старался избежать греха, но все же был не безгрешен.

Кумушки шептались, что он уехал с другого конца страны сюда, в маленький город то ли по собственной воле, то ли из-за крупного скандала в сибирской семинарии. Надеялся хотя бы здесь обрести Бога, и, похоже, трагедия Усть-Саракташа только укрепила отца Алексея в том, что он всё делает правильно.

Батюшка вошел, кивком приветствовал Барклая и соседку. Вздыхнул:

— Царствие небесное рабе божьей Елене... будем отпевать?

Соседка замотала седой головой:

— Понесли, батюшка, сил нет этого антихриста слушать.

Алексий вышел, старательно делая вид, что в коробке никого нет. Барклай поставил младенца Елене в ноги, где уже кучно лежали срезанные летние цветы, гаркнул:

— Мужики!

Сразу стало легче: не надо было больше сидеть, вглядываясь в обезображенное лицо, тосковать или злиться от непрерывного плача. Можно сосредоточиться на деле, куда-то идти. Их ждал пустынный, не так давно заложенный погост — к старому кладбищу дорога вела через лес, и людям не хотелось